

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6-8
Г83

Фотографии:

*Алексей Паин, Наира Чатилян, Агата Нигровская,
Максим Сухомлин, Лев Бодров,
архив группы «Крематорий»*

Григорян, Армен Сергеевич.

Г83 Призраки Крематория. История группы от первого лица / Армен Григорян. — Москва : Эксмо, 2020. — 304 с.

ISBN 978-5-04-089008-8

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6-8

ISBN 978-5-04-089008-8

© Текст, Григорян А., 2019
© Фото. Полубояринов М., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

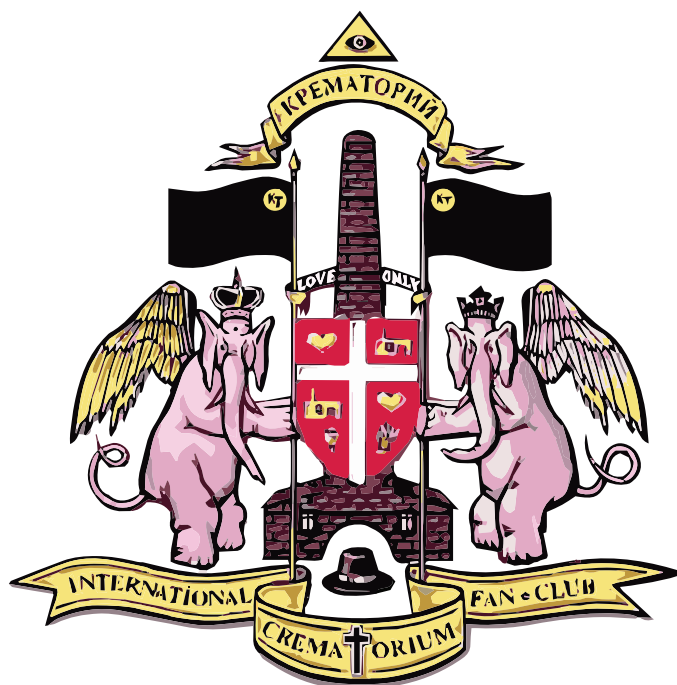
Эта книга только для тех, кому интересно творчество «Крематория». У меня не было желания излагать жизнеописание группы с ее героическими свершениями и, не дай бог, еще с примесью поучений и мессианства, столь свойственных русскому року. К тому же вся хроника великих свершений — явки, пароли и следы героев крематорского эпоса — покоится на нашем официальном сайте crematorium.ru. Пожалуй, это самое подробное бытописание, составленное нашими летописцами разных лет. Хотя и здесь, в силу давности и порой противоречивых воспоминаний очевидцев, пытливые умы обнаружат разногласия и неточности!

В нашем Веселом Ансамбле, давно уже разменявшем четвертый десяток, без учета сессионных исполнителей и залетных звезд побывало более 70 человек: музыкантов, администраторов, директоров, техников, тур-менеджеров, PR-агентов, художников-оформителей и одного бессменного звукорежиссера Сергея Овсянникова, который проработал в группе вплоть до своей кончины в 2018 году. Смена кадров в большинстве случаев сопровождалась взаимопониманием, проводы — почестями и даже памятными наградами! Конфликтные увольнения, хоть и было их сравнительно мало, тоже случались, особенно в период первозданного хаоса, когда в состав группы приходилось брать людей случайных и мимолётных, среди которых, не к ночи будет сказано, попадались даже оборотни и маньяки! Но таких за всю историю КТ нарисовалось лишь несколько, а светлых и благородных — десятки! Слава им и хвала!

Несколько рассказов не имеют прямого отношения к группе, но всё же я решил включить их в повествование, исходя из личных предпочтений, ну и для полноты картины!

Здесь собрано далеко не все, что сохранила моя память, а лишь то, что можно назвать наиболее значимым, важным, без чего не было бы ни песен, ни группы, ни судьбоносных встреч с фантастическими личностями, которые помогли мне открыть множество дверей в мир волшебных воплощений!

В этом смысле мне повезло. Стоило лишь начать мечтать, и всегда находились те, с помощью кого грезы становились явью. Всем им я посвящаю эту книгу.

1.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Свой первый полет мы совершили с ней по маршруту Каир — Москва. Решение о срочной командировке принималось на высшем уровне — в посольстве СССР в Арабской Республике Египет. По официальной версии, причиной тому стала эпидемия гриппа, охватившая всю Северную Африку. Спустя месяц после прилета, 24 ноября 1960 года, я увидел свет божий в Филях, в роддоме № 2.

Всего на три недельки познакомиться со мной прилетел папа, Сергей Григорян. А еще через 10 месяцев моя мама Аида Григорян отправилась к нему обратно в Каир, оставив меня под опеку ласковых и заботливых бабушек и тетушек, родных и двоюродных: Елизавета, Вера, Анна, Марго, Ашхен, Варвара...

Уже в отсутствие родных дедушек мужскую долю воспитания взял на себя большой и благородный

муж моей тети Веры, Арташес. В те времена в служебные путешествия супружеская пара должна была отправляться без детей и никак иначе. В следующий раз я увижусь с родителями только через пять лет!

Все это время, проведенное в разлуке, никоим образом не повлияло на мою бесконечную любовь к ним!

Папа был выпускником арабского отделения факультета восточных языков МГУ и факультета самолетостроения МАИ. Впоследствии я не раз слышал от его друзей подробности той судьбоносной защиты. Председателем госкомиссии был сам Андрей Николаевич Туполев — генеральный конструктор самолетов Ту. О его жестком и непреклонном характере ходили леденящие душу слухи! Получить высший балл у самого Туполева считалось задачей почти невыполнимой! После официального доклада папа ответил на несколько вопросов членов комиссии, и последний задал председатель. Выслушав ответ, Туполев положил ладонь на лоб и, глядя в стол, задумчиво застыл, будто производил в уме какие-то сложные математические вычисления. Все присутствующие в аудитории — студенты, преподаватели и члены госкомиссии — в полной тишине и неловком ожидании устали на председателя комиссии.

«Поставьте ему отлично!» — не поднимая головы, тихо приказал Туполев. Это была самая громкая пятерка, о которой только мог мечтать студент факультета самолетостроения. Личная рекомендация одного из величай-

ших советских авиаконструкторов определила молодого специалиста в длительную командировку. Все арабские страны, куда поставлялась наша военная авиационная техника, стали местом пребывания молодой четы вплоть до конца 1966 года: Египет, Алжир, Марокко, Ирак...

Я проснулся в конце декабря, солнечным утром, окруженный невероятным количеством разноцветных игрушек. Рядом сидела мама Лиза!

Так я звал бабушку (по папиной линии), с которой мы проживали в нашей уютной однушке на Большой Филевской!

Но на этот раз на меня смотрели еще два человека, которых я видел до этого только на фотографиях! Это были тетя Аида и дядя Сережа! Мамой и папой я стал называть их не сразу...

2. ХУЛИГАН СКОРИКОВ

Он слыл грозой Речного! Пока его сверстники начинали восхождение к вершинам просвещения, живописи, литературы и всячески тянулись к музыкальному творчеству, хулиган Скориков их бил, калечил и подвергал террору.

В бетонную новостройку на севере Москвы мы переехали из добротного кирпичного сталинского дома. Первое впечатление от нового места —

печально-паническое!

По сравнению с благоустроенными родными и близкими сердцу Филями, тогдашний Речной выглядел примером неудачного воплощения одного из заветов Ильича по скрещиванию города и деревни! Заваленные строительным мусором пустыри, однообразные «хрущобы», темные дорожки и озлобленные аборигены.

Собственно, весь этот кусок Ленинградского района Москвы был внедрен в большую деревню Аксиныно, остатки которой лежали по ту сторону от нашего нового дома на улице Смольной. Вдоль дороги

«Верните меня в Фили!»

тянулись болота с мелкой рыбешкой и тритонами, ловлей которых забавлялась местная детвора и взрослые. Наши окна выходили аккуратно на общедоступную полянку с ветвистой березкой и колодцем с кривым ведром на ржавой цепи. Чуть поодаль торчали унылые ветхие домишки с небольшими садовыми участками, обнесенными невысокими и покосившимися заборами.

Однажды за обедом мы с бабушкой услышали душераздирающие вопли и, выглянув в окно, увидели, как некто увесистым колом дубасит лежащую у того самого колодца женщину! По ее волосам и спине уже обильно текла кровь, но изверг продолжал безжалостное истязание и, возможно, убил бы несчастную, если бы на подмогу ей не пришла моя бабушка Лиза. Приоткрыв окно, она крикнула: «Как вам не стыдно? — и еще что-то вроде: — Как так можно с женщиной?!»

Изверг приостановил экзекуцию и несколько секунд пристально сканировал окна нависшего над ним бетонного чемодана. Благодаря чистому небу и яркому весеннему солнцу, придавшему стеклам зеркальный эффект, точных координат источника протеста он, к счастью, не обнаружил! После чего злодей поднял над головой кол и на предельно возможной громкости открыл рот!

Так я познакомился с внушительным количеством новых слов, доселе мне не известных. Бабушка спешно захлопнула окно, а следом — и мои уши, но все равно мой детский словарный запас продолжил пополняться естественными эпитетами и яркими оборотами великого и могучего. Длительности вещания вполне хватило для бегства дамы с пробитой головой в глубь болот и для кандидатской, а может, даже докторской, будь с нами прозорливый лингвист или филолог!

Закончив послание, аксиньинский Цицерон отшвырнул кол и заковылял прочь! Мы с мамой Лизой продолжили обед, но уже, как вы понимаете, безо всякого аппетита и с моими бесконечными и безответными вопросами о смысле и значении только что услышанных междометий, существительных, прилагательных и глаголов! Откушав в конце трапезы калорийной булочки и кефира, я был отправлен на диван читать Шарля Перро!

Помимо аксиньинских, на соседних территориях обитали и другие агрессоры, недовольные стремительным ростом градостроения! У Ленинградского шоссе располагались портовые! Их зона контроля простиралась от станции метро Речной вокзал до Северного речного порта. У рукотворного

Химкинского водохранилища, дно которого, как нам рассказывали, было усеяно останками его строителей, возвышалось известное здание вокзала с колонами и шпилем, похожее на буддийский храмовый комплекс или даже дворец правителей Тибета! Особенно эта схожесть проявлялась вечером на закате, когда в сквозные арочные проемы проникали косые лучи солнца и «храм» начинал светиться золотом сказочно и волшебно! Не верите? Можете сходить и убедиться!

Впоследствии эта ассоциация и стала главным стимулом для объединения мной всех враждующих и разрозненных кварталов Речного в одно единое и неделимое «Катманду!».

В противоположной стороне от портовых, по обе стороны улицы Фести-

Родное Катманду

вальной, наводили страх чикагские! Почему эту часть Речного прозвали Чикаго? Да бог его знает! Видимо, по количеству преступных синдикатов, бандитских семей и уличных разбоев с принудительным изъятием личных вещей у понаехавших граждан! «Чикаго» было вне конкуренции и заслуженно несло криминальное знамя, высоко поднятое Аль Капоне в одноименном заокеанском топониме!

Поочередные набеги противоборствующих кланов с цепями, деревянными и железными предметами для нанесения увечий происходили периодически! Злыми были все, но все-таки самыми злыми были наши, местные, аксиньинские. Скориков был наш!

Пока своих мелких чад на занятия в школу и обратно сопровождали родители с бабушками и дедушками, жизнь потомства была относительно спокойной, но по мере восхождения

по учебной лесенке и отмены эскорта начиналось личное и отнюдь не желанное знакомство с представителями вышеописанных кланов! Моих провожатых упразднили на четвертом уровне обучения. В теплый и светлый сентябрьский день 1971 года при возвращении домой после уроков нас с одноклассником успел выловить крепкий верзила со сломанным носом и заметно косящим глазом! Он был копией артиста Савелия Краморова, но только в его свирепом воплощении!

Грозу Речного звали Василий Скориков! В его взгляде одновременно читались готовность к убийству и наглухо закрытые умственные способности!

По рассказам умудренных опытом, Скориков обычно перед тем, как перейти к физическому воздействию, использовал для знакомства один из двух вариантов:

Савелий Крамаров, фрагмент из к/ф «Джентльмены удачи»

1. «Дай закурить! ... Не куришь? ... Тогда получай!»
2. «А ну давай попрыгай! ... А чё, денег нет? Ну, тогда получай!»

По звону металлических монет в карманах попрыгунчиков гипоталамус Скорикова приноровился вычислять объемы залежей и, в зависимости от результата, посылал импульс мышечной системе для дальнейших действий. Чтобы не испытывать на себе мощь его мускулатуры, дети начинали тырить папины сигареты и разворовывать семейный бюджет.

В нашем случае Скориков припас ход, ранее не известный, и нанес удар без предисловий. Первым пострадал мой спутник и сосед по подъезду Димка Борисов. От хлесткого апперкота у приятеля пошла носом кровь! Пока отморозок наслаждался результатом, я, в ожидании неминуемой очереди, достал из кармана аккуратно поглаженный и сложенный квадратиком носовой платок и протянул его окровавленному товарищу.

Скориков мигом перехватил посылку и хриплым голосом, каким в голливудских ужастиках обычно вещают демоны ада, спросил: «А это че это?.. Ширинка, што ль?» (И при чем тут ширинка?) — «Нет, это для носа и...» — «Ладно», — сказал Скориков и, бросив на нас презрительный взгляд, победно харкнул под ноги и двинул вон, прихватив платок на память!

Каким-то чудесным провидением при первом свидании с ним мне удалось избежать прыжков на месте и, возможно, последующей порчи лица! После этого родители забеспокоились внезапно появившейся у меня рассеянностью! Платки терялись регулярно, а для грозы Речного я стал эксклюзивным поставщиком чистых и глаженных аксессуаров для лица и одним из избранных, кому он позволял оставаться в естественном виде, без увечий и травм!

Со временем, благодаря нашей доблестной советской милиции и лично следователям по делам несовершеннолетних, скориковская кабала, впрочем, как и террор портовых с чикагскими, потеряли размах и постепенно сошли на нет! Речной расцвел, зазеленел, подобрел, расправил крылья и стал одним из самых безопасных мест на Земле! Платки теряться перестали, и на мою рассеянность родители больше не жаловались.

3.

ЧЕРНЫЕ ПЯТНА

Все мои школьные меломаны были любителями исключительно зарубежной музыки во всем ее многообразии! Репертуар двух моих ансамблей до создания «Крематория» состоял из песен исключительно англоязычных. Прежде чем превратиться в «говнаря», я был нормальным человеком!

Вся советская эстрада с трансляциями из колонного зала Дома Союзов держалась на расстоянии пушечного выстрела и никогда ближе не подпускалась! Кроме Людмилы Зыкиной и Бориса Штоколова, да и то — из-за мамы Лизы!

Зато привезенный родителями из служебных поездок по бывшим арабским протекторатам Франции магнитофон «Грюндиг» крутил песни Эдит Пиаф, Энрико Масиаса, Жака Бреля, Шарля Азнавура, Ива Монтана, Розы Армен, Мирей Матье, Сальваторе Адамо и много-много кого еще!

С другого фланга наступала папина коллекция пластинок итальянских композиторов во главе с Верди, который в его хит-параде занимал первую строчку! За ним следовали Пуччини, Россини, Беллини, Паганини, Монтеверди, Вивальди и др. В качестве вокалистов чаще всех у нас дома пели Марио Дель Монако, Мария Каллас, Марио Ланца и еще Фрэнк Синатра. Весь этот музыкальный бомонд резко поутих, когда на мою голову свалились не знающие пощады «битлы», «роллинги» и «свинцовые дирижабли»!

Бум подражания не заставил себя ждать! Пиленные гитары, динамики-самокрутки, усилители и прочие преобразователи звука из отечественных и трофейных ламп стали создаваться, обмениваться и приноситься в жертву во имя становления рок-движения Ленинградского района города Москвы!

Первая организованная вылазка сподвижников произошла весной 74-го и сопровождалась конспирацией и бутафорией! Операцию спланировали и провели четыре ученика 7-го класса «Б»: Александр Севастьянов с тремя пионерскими барабанами, взятыми на прокат из ленинской комнаты, Игорь Шульдингер с гитарой производства фабрики имени Луначарского, Вова Сергеев с фотоаппаратом «Зенит» на шее и я, Армен Григорян, с безладовым и бесструнным басом, смастеренным на уроках труда.

Вскрыв дверь машинного отделения лифта, мы проникли на крышу дома номер 33 по улице Смольной. Фотограф должен был запечатлеть пока еще безымянную рок-банду, подобно «битлам» во время их концерта на крыше офиса фирмы Apple!

На втором этапе — проявить пленку и напечатать пилотный тираж с лицами сверхновых звезд!

Блицкриг на крышу был совершен тихо и незаметно.

После скоротечной фотосессии, прихватив съемочный реквизит, все разбежались по домам придумывать группе название!

Тогда же, весной 1974 года, мама повела меня в Пушкинский музей, где проездом из Японии в Москву ненадолго поселилась «Мона Лиза». Мы отстояли пятичасовую очередь, дошли до картины, остановились на 10 секунд, посмотрели на маленький шедевр Леонардо да Винчи за толстым

стеклом и пошли на выход! Дольше смотреть на Джоконду не разрешали грозно шипящие милиционеры. Изнурительный день во имя быстротечного свидания с флорентийской красоткой впечатлил меня настолько, что я предложил коллегам назвать группу «Дикая очередь»! Из ранее предложенных претендентов — «Омнибус», «Ловеласы», «Особняк», «Матерые пятна» и «Черная пятница» — после обмена мнениями решили тянуть жребий из «Дикой очереди» и «Черной пятницы». Вытянули второе!

Увлечение фотопечатью уже давно засосало Вовку Сергеева в мир эротики и секса. Плоды его хобби распространялись им со всеми мерами предосторожности среди учащихся старших классов в обмен на денежные знаки и бубльгум. Забугорная жвачка в годы моей юности имела хождение валюты! По нашей договоренности, он должен был напечатать фотографии размером 9 на 13 и, снабдив их надписью «Рок-группа «Черная пятница», безвозмездно раздавать вместе с «интимом». Чтобы покрыть затраты на производство, мы сошлись на условиях — одну пластинку жвачки за 2 фотки, что было по тем временам верхом щедрости и доброты со стороны заказчика!

Первый тираж вышел с ляпсусом. Порнопечатник уничтожил глубоко задуманную авторами ассоциацию с Black Sabbath и превратил группу «Черная пятница» в «Черные пятна»! Свою оплошность он признал, но ссылаясь на затратность процесса, переделывать бракованную партию отказался и автоматически присвоил себе патент на изобретение!

Фотки шли бойко, бубльгум доставлялся бесперебойно. Наши акции среди многочисленных рок-деятелей школы и ее окрестностей пошли вверх, и вскоре фотокарточный ансамбль приобрел первую известность!

4.

ИРИС-БАС

Осознав всю тяжесть своего положения и невозможность сдвинуть сына с рок-н-ролльной стези, родители пошли на сотрудничество и пристроили меня на курсы обучения игре на классической гитаре. Около двух лет я усердно терзал струны под руководством репетиторов и все свободное время! На выпускном, в клубе «Красный балтиец» на Войковской, я исполнил интермеццо собственного сочинения, навеянное «Адажио» Томазо Джованни Альбиниони¹. Папе с мамой понравилось! Через много лет это сочинение всплывет на альбоме «Танго на облаке» в одноименной песне.

После того как мы в нашем доморощенном ансамбле окончательно определились, кто на чем будет играть, я срисовал гитару Фендер с попавшей в руки фотки Джона Леннона.

Тщательно воспроизвел фломастером форму, звукосниматели, ручки, лады, колки, но вместо шести струн нарисовал четыре; внизу листочка подписал: «Bas-guitar».

Папа тогда работал в министерстве авиационной промышленности в отделе эксплуатации авиационной техники в странах соцлагеря, он часто выезжал туда в краткосрочные командировки. Я показал ему рисунок и на-

---

¹ Венецианский композитор и скрипач эпохи барокко, предположительно, автор знаменитого Adagio: большинство современных критиков приписывают авторство профессору истории музыки Ремо Джадзотто, да и первоначальное название произведения звучало как «Ремо Джадзотто. Адажио соль минор для струнных и органа на основе двух фрагментов темы и цифрованного баса Томазо Альбиниони».